

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Виталий Коротич

**Двадцать
лет спустя**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Ровно 20 лет назад главный редактор «Огонька» Виталий Коротич получил в Америке самую престижную для людей нашей профессии премию — Международный главный редактор года. В честь даты я попросил бывшего редактора вспомнить свою работу в «Огоньке» той поры. Спасибо, Виталий Алексеевич, к которому с такой просьбой обращался не впервые, на этот раз не отказал. Часть этих мемуаров мы опубликовали в журнале, но в книжку нашей библиотеки вошёл расширенный вариант.

Эти воспоминания не только интересны, как новейшая история страны. Они, в какой-то степени, дают ответ на вопрос: кем был Коротич, о чем думал в годы своей славы, как подходил к редакторству. Ведь Коротич — журналист всегда интересовал моих коллег. Не москвич, не журналист по опыту и образованию, очевидно не диссидент — и вдруг такой взлёт в переломный момент истории!

Подкупает, что мой предшественник по «Огоньку» совершенно лишён пафоса. На мой вопрос как ему удалось отвести от сверхсмелого, по меркам 80-х, журнала карающий меч ЦК, Виталий Алексеевич отвечал: «Я просто валял с начальством дурака».

...Возможно и вам, читатель, как и мне, покажется, когда вы закроете эту книжку, что история российской журналистики без этих воспоминаний была бы неполной.

Виктор Лошак

Уважаемые читатели!

*Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru*

© Издательский дом «Огонек», 2008

Когда летом 1986 года я впервые вошел в редакторский кабинет «Огонька», там было все, как при прежнем хозяине. Под стеклом на письменном столе лежал список членов Политбюро ЦК КПСС с приписанным возле каждого днем рождения, а также пометкой, кому в этот день печатать портрет цветной, а кому черно-белый. Судя по записям, приближался чей-то из начальственных дней рождения, а я не собирался эту традицию продолжать. Еще размышляя над порядком действий, позвонил в отдел ЦК и попросил прислать мне решение, согласно которому публиковались портреты. Ответ был гениален: «Такого решения нет, но, насколько нам известно, ни одного протеста не поступало...» По поводу того, что «Огонек» прекратил печатание именных парсун, протесты, возможно, и были, но я их не слышал. Услышал я другое: «Ты знаешь, сколько сильные мира сего на тебя обидятся? Зря ты так. Ведь все вернется, как было, и еще пожалеешь...»

Вскоре после того, как я принял «Огонек», несколько писателей пригласили меня отужинать с ними. И не в какой-нибудь харчевне, а за специально заказанным столом в ресторане «Украина».

Ожидали меня в ресторане люди неслучайные. Были это отобранные один к одному самоотверженные защитники русской души и национальной идеи, дено и ночью готовые сражаться с инородцами, капиталистами и другими разрушителями заветных достоинств. В прежнем «Огоньке» они опубликовали скандальную статью о том, как великого русского поэта Маяковского извели всякие нерусские люди. Позже о Есенине писали почти такими же словами. Я заранее знал, что за столом в «Украине» меня будут ожидать всемогущие Юрий Бондарев, Анатолий Иванов, Михаил Алексеев, Петр Проскурин, все как один Герои Соцтруда и прочая и прочая. Так и случилось.

Под икорку и водочку мне разъяснили, что будущее — в моих руках и держать это будущее я должен крепко, как вот эту рюмочку. Если буду послушен, то мне и помогут, и защитят. В этом вот ресторане, за этим же столиком я по пятницам смогу найти всех или нескольких нынешних сопотрапезников и по первой же просьбе мои проблемы мигом решатся. А нет — разорвут, по стенке размажут...

Очень было похоже на кино про мафию — собрались паханы и стращают малолетку. Я все это выслушал, скандалить не стал, извинился и пошел домой.

Через недолгое время Владимир Вигилянский (ныне пресс-секретарь Патриархии. — *Ред.*) опубликовал в «Огоньке» подробное исследование о коррупции в Союзе писателей, о том, как делят внеплановые издания и гонорары. Упомянутые писатели были среди главных героев статьи. Надо сказать, что незадолго до этого случился съезд писателей страны, где меня при помощи тайного голосования избрали одним из секретарей правления Союза писателей СССР. Поэтому долбали меня на всех уровнях и за поругание неприкосновенных, и за вынесение сора из избы, и еще много за что. Спрятаться было негде. Но я и не прятался; в «Огоньке» мы быстро приучились действовать в открытую.

У власти свои правила и собственные уровни отношений, которые не достигаются с ходу. Вспоминаю, как в начале 1999 года я встретился в Москве с Михаилом Горбачевым и, отступив в прошлое, рассказал ему, что восхищал американских студентов повествованием об избрании его, Горбачева, в генсеки. Мол, даже старый партийный бюрократ Андрей Громько дрогнул тогда перед убедительностью идей Михаила Сергеевича и вопреки склеротичным коллегам выдвинул самого молодого кандидата на высшую в стране должность. «Ничего подобного, — отмахнулся от моего рассказа Горбачев. — Никакой инициативы Громько не проявлял. За полчаса до заседания Политбюро я пригласил его в кабинет и попросил выдвинуть меня в генсеки. Существуют же определенные правила...» Еще я спросил у Горбачева, почему он отправил в Беловежскую Пущу именно Ельцина: разваливать Советский Союз? «Никуда я не отправлял его, — ответил бывший генсек. — Ельцин сам попросился туда в командировку, чтобы, по его словам, отговорить Кравчука рваться в самостийность. Есть же правила...» В каждой избушке — свои погрешности.

«Я другой такой страны не знаю». В правительстве царской России в канун октябрьского переворота было около 20 министров. Горбачев получил в подчинение 615 чиновников министерского ранга. При Ельцине даже все думские депутаты специальным законом присвоили себе министерские статусы, зарплаты и привилегии. А чаво? Умение грести под себя и неспособность к переменам всегда ценились у бюрократии, как высшие признаки квалификации. С самого начала, с Октября, установилась традиция почтения к «несгибаемым ленинцам», «стальным наркомам», Железным Феликсам. История страны позвякивает, как металлолом. Коммунистическая партия стала самым серьезным чиновничьим орденом в государстве, и трогать бюрократическое тараканье царство было очень опасно. В своих блокнотах я нашел запись от 11 февраля 1987 года, когда на совещании в ЦК Горбачев возмущился, что в одной из статей тогдашняя «Литературная газета» назвала каких-то партийных кадровиков «шелупонью». «Это недопустимо, это нельзя! — кипятился Михаил Сергеевич. — Не унижайте чиновников! Они делают важное дело! Мы не можем, как в сепараторе: сюда молоко, а сюда — сливки! Нам всякие люди нужны!» Вокруг него и накапливались, что называется, «всякие люди».

Горбачев боялся чиновников и сознательно полагался на них. То избрал вице-президента из какой-то затрапезной шпаны (помните, как этот пьяненький «вице» по фамилии Янаев стал одним из руководителей путча в 1991 году и как у него тряслись руки на знаменитой пресс-конференции?), то обижался на немногих мыслящих людей в своем окружении. То, когда надо было выйти за пределы сиюминутных решений, просто ничего не делал.

Помню, как в самом конце горбачевской должностной карьеры я предложил ему разослать письма мировым лидерам, недавно ушедшим в отставку (Тэтчер, Рейгану) и выступить в мировой прессе совместно с ними. Мы, мол, начинали процесс сокрушения ненависти как мировой идеологии, но не довели его до конца. Новые лидеры, приходящие в сегодняшний мир, — продолжайте! Мне долго хотелось, чтобы Горбачев стал инициатором чего-то вроде нового Хельсинкского акта, декларации против ненависти. Позже, когда Горбачев уже развезжал по свету, читая свои скучные лекции, я еще раз предложил ему двинуть такую идею, но он еще раз не решился. В течение долгого времени его приучали не доверять вольнодумцам. Он часто повторял: «Я знаю, кто стоит у либералов за спиной!» Но Горбачев редко оглядывался и не задумывался, кто целился ему в спину.

Через полгода работы в «Огоньке» меня зазвал к себе в роскошную мастерскую, расположенную под крышами бывшей улицы Горького в районе ресторана «Арагви», Дмитрий Налбандян, народный художник СССР, лауреат всех советских премий, включая Ленинскую, Герой Соцтруда и прочая. Я оглядывал огромные рамы с портретами вождей, бывших и нынешних, наброски к ним, медленно продвигаясь к мольберту с большим недописанным полотном. Затем увидел и эту работу, еще не просохшую, но до боли знакомую по сюжету. Был изображен ликующий зал с ликующими представителями разных народов в национальных одеждах, с лицами, обращенными к кремлевской трибуне. А на трибуне стоял Михаил Сергеевич Горбачев, по-сталински аплодирующий навстречу залу. «Полагаете, пригодится?» — спросил я. «Не просто пригодится! — ответил Налбандян. — Уверю вас, что через год, самое большое полтора, ко мне приедут из Кремля, аккуратно вынесут это полотно из мастерской и прикажут репродуцировать его во всех главных журналах страны, включая ваш...»

Слава богу, что не все прогнозы сбываются...

Моя мать — из старинного русского дворянского рода, а отец — из украинских крестьян. Оба они были беспартийными профессорами-биологами, которые с детства подробно объясняли мне, что ни от природы, ни от людей ничего нельзя добиться насилием. Я рос и формировался среди профессионалов высокого класса, где речь прежде всего шла об умении реализовать себя в деле. О подробностях привходящих, в том числе о национальном происхождении хотя бы кого-то из коллег, речь при мне не заходила ни разу. Позже мне объяснили смысл так называемой пятой графы (национальность) в советских анкетах, но я этим смыслом не проникся. Уважая свои национальные корни, я уважительно чтил и привычки с традициями окружающих меня людей. Поэтому, придя в «Огонек», тут же велел заклеить в анкетах отдела кадров пятую графу и не требовал ее заполнения. Со временем, когда некоторые из сотрудников стали публиковать воспоминания о совместной нашей работе, я узнал, что изъятие пятой графы из анкет удивило их больше всего. Предыдущий огоньковский редактор славился своим антисемитизмом, и, должно быть, на его фоне я выглядел странно. Но понемногу все привыкли. Только Егор Лигачев однажды заметил: «Что-то среди ваших авторов мало киргизских, эстонских и молдавских имен, а некоторых других многовато...» — «Каких?» — спросил я, но Егор Кузьмич не ответил.

Кстати об эстонских именах. Когда в Верховном Совете была создана комиссия по рассмотрению вопроса о независимости прибалтов, меня включили в нее по квоте Эстонии. «Мы хотим, чтобы нас представлял порядочный человек, — сказал эстонский депутат Пальм, — «Огонек» дает такую гарантию...»

Мы пытались проникнуться опытом предшественников, читали и публиковали многое из не читанного раньше, забытого и утерянного до срока. Люди трудно врастают в переменчивые обстоятельства, во многих случаях они пробуют утянуть за собой привычные, но давно прошедшие времена и сохранить их возле себя навечно. Читая в редакции кипы готовых к публикации рукописей, я натолкнулся в «Дневнике» у Корнея Чуковского на забавную запись о жилом доме, построенном в начале 30-х годов XX века для бывших царских политкаторжан. Корней Иванович с удивлением отмечает, что те настояли, дабы дом был возведен по всем канонам тюремной архитектуры и в окна были вделаны решетки. Согласно свидетельству автора «Мойдодыра», такое жилье заслуженным каторжанам и построили. Нам очень не хотелось возводить новый дом для «Огонька», чтобы в нем все было как в старом, неудобном, но привычном...

Многие коллективы разваливаются, если их объединяет одна только личная преданность руководителю или если они составлены из тихих бездарностей, которые никому не мешают, но и пользу принести не способны. Вспоминаю, каких людей мы постепенно набрали в «Огонек», — с другими бы «прорывный» еженедельник не получился. Даже проследживая дальнейшие карьеры моих сотрудников, можно понять, что многие из них были незаурядны. Заведующий отделом культуры Владимир Енишерлов стал в дальнейшем первым главным редактором журнала «Наше наследие», бывший ответственный секретарь Александр Елюгин в начале XXI века редактировал целый пакет глянцевого издания для любителей хорошей еды и питья. Артем Боровик возглавил «Совершенно секретно», Владимир Чернов руководил популярными «Семью днями», а позже возвратился в «Огонек», став на время его главным редактором. Издательским домом «Семь дней» и сейчас командует бывший заведомо публицистики «Огонька» Дмитрий Бирюков. Один из активнейших сотрудников этого отдела, Александр Минкин, стал видным публицистом. Долго работавший в отделе культуры литератор Владимир Вигилянский служит сегодня пресс-сек-

ретарем Московской патриархии, а заведующий отделом писем Валентин Юмашев стал доверенным лицом первого президента России, а затем и руководителем его администрации, одним из главных государственных деятелей новой России...

Я мог бы назвать еще несколько широко известных имен, но главное в том, что такие люди работали в журнале одновременно. Амбиции били через край, но каждый был занят своим делом и никто никому не мешал. Существовало еще общее дело, которым удалось сплотить ярко одаренные, непохожие личности. Горжусь этим. И тем горжусь, что, когда в 1990 году страну обуял приступ неудержимой свободы и было решено избирать главных редакторов тайным голосованием, коллектив выбрал меня.

В конце 1987 года мы отрядили своего сотрудника Дмитрия Бирюкова вместе с корреспондентом американского еженедельника US News and World Report Джеффом Тримблом в путешествие по Транссибирской железной дороге. Они должны были написать путевые очерки с двух точек зрения, «двумя перьями». Материал Бирюкова я запланировал в номер к 7 ноября — к семидесятилетию Октября. Очерк должен был поведать о переменах в Сибири, доказать, что горбачевская перестройка есть замечательная партийная затея, из которой произойдет счастливая жизнь. Вот такая была банальнейшая «датская» затея, как бы взятка партийному начальству. Дмитрий Бирюков сочинил все, как было ему велено, — в меру торжественно и скучно. Но в материале был абзац, где сообщалось, что, по данным сибирских ученых, уже сегодня шестьдесят из ста сибиряков поддерживают горбачевскую перестройку, то есть революционный процесс пошел в единственно правильном, указанном партией направлении.

Очерк вышел к 7 ноября 1987 года. А в докладе к этой же дате Горбачев сообщил, что все советские люди как один поддерживают перестройку. У него, значит, сто процентов, а у нас на сорок меньше. Он есть лидер партии, которая никогда не ошибается. А мы? Мне тут же позвонил секретарь ЦК по идеологии Александр Яковлев с требованием немедленно убрать Бирюкова из редакции, да еще и с партийным взысканием. В достоверность цифр, ясное дело, никто не вникал (как выяснилось со временем, у горбачевской перестройки сторонников было куда меньше даже бирюковских шестидесяти процентов). В Новосибирск немедленно двинулась грозная комиссия из ЦК для выяснения вопроса о наметившемся там вредном уклоне (позже Яковлев рассказал мне, что Горбачев позвонил ему на рассвете и кричал об антипартийном заговоре в Сибири).

В общем, около года после этого мы скрывали несчастного Бирюкова в недрах отдела информации, усвоив, что чиновничий образ мышления вечен; он только выражается с разной интенсивностью в зависимости от обстоятельств.

В середине восьмидесятых годов XX века я жил в стоковольском Гранд-отеле одновременно с приехавшими туда для выступлений американскими актерами Фрэнком Синатрой, Лайзой Миннелли и Сэмми Дэвисом. Звездная тройца дала несколько представлений в самом большом зале шведской столицы с огромным успехом. Однажды за завтраком ко мне подсел их администратор и предложил учинить такое же представление в Ленинграде, благо до него из Стокгольма рукой подать. Я ответил, что замысел замечательный, но, мне кажется, идея сможет осуществиться чуть позже, когда в моей стране хоть что-то узнают хотя бы о Синатре и Лайзе. Администратор не сразу поверил, что у нас фильм «Кабаре» видели только на закрытых просмотрах, а Синатру, живого или киношного, знают в основном понаслышке, да и то не везде. Мы ведь столько десятилетий жили отрезанные от человечества, не видели как следует даже фильмов Чаплина, песни «Битлз» ловили сквозь вой глушилок, а современная живопись продолжала быть под запретом. Не верится?

В 1987 году «Огонек» решил устроить в «Олимпийском» дворце спорта концерт «Рок против наркотиков». Поучаствовать в нем согласился Майкл Джексон, шли переговоры с Полом Маккартни, а тогдашняя американская первая леди Нэнси Рейган обещала приехать и выступить перед концертом, потому что у себя в стране она опекала борьбу с наркоманией. Подготовка шла полным ходом. Когда знаменитые музыканты и певцы уже подтягивались к советской границе, мне позвонил Александр Яковлев, отвечавший в партийном Политбюро за идеологию. «Как вы относитесь к тяжелому року?» — спросил он. «Да не очень...» — «И я не очень, но мы ведь можем не пойти на концерт — пусть другие порадуются...». Через день, когда тот же Яковлев пригласил зайти к нему в кабинет на Старой площади, тон его изменился: «Егор Лигачев на заседании Политбюро сказал, что бороться роком против наркотиков — все равно что бороться против венерических болезней при помощи проституции. Запомните эту формулу, а остальным объявите, что концерт отменяется. Только не шумите избыточно — хуже будет...» Позже тогдашний министр

культуры Захаров жаловался мне, что получил страшную выволочку от того же Лигачева за то, что даже идея такого концерта могла возникнуть в головах у советских людей. Прямо не верится, что все это происходило всего лет двадцать назад. Многие проекты «Огонька», казавшиеся тогда отчаянными, сегодня выглядят вполне обыденно. Слава богу, что это так.

Маргарет Тэтчер в бытность ее британским премьер-министром несколько раз общалась со мной в Москве, а затем пригласила в Лондон и согласилась дать интервью для «Огонька». Время, избранное для интервью, было ранним — около 8 утра, и я спросил у госпожи Тэтчер, не разбил ли я ее день с самого начала, не лишил ли я ее завтрака. «Что вы! — воскликнула хозяйка премьерского кабинета. — Я вообще привыкла завтракать чашечкой кофе и таблеткой поливитаминов!»

Публикуя текст интервью, я упомянул о странной диете Маргарет Тэтчер, забыв о том, что у «Огонька» авторитет очень высок, а у зарубежных рецептов — не ниже. Начали приходить письма от женщин, которые перешли на завтраки, состоящие из кофе и витаминов, но не запасались при этом энергией на долгий рабочий день. Я пытался объяснять некоторым из них, что в разных странах и на разных должностях — непохожие обстоятельства жизни, но не все верили сразу, настаивая на том, что британский премьер не ошибается ни в чем.

Сейчас один из московских таблоидов публикует какую-то «кремлевскую диету», в другом я прочел «диету бессмертия йогов». В общем, надо было мне тогда развить идею и придумать какую-нибудь «диету с Даунинг-стрит». Но «Огонек» не по этой части...

В конце 80-х я подружился с прекрасной норвежской актрисой Биби Андерсон, много снимавшейся у Ингмара Бергмана. Однажды она нанесла мне в Москве неожиданный визит. Биби вошла в кабинет, на ходу доставая из необъятной сумки нечто цвета хаки, смятое до невозможности. Еще она добыла из той же сумки и отдала мне письмо от брата Эрнеста Хемингуэя, которого она только что посетила в Америке. «Эрнест, — гласило письмо, — считал, что чувство юмора сродни храбрости, и поэтому дарю вам одну из военных курток моего брата. Ваш журнал имеет на нее право». Куртка была как куртка, примерно 52-го размера. Я очень обрадовался и вместе с Биби Андерсон отнес хемингуэевскую одежду в наш тогдашний конференц-зал. В зале был стенд, заполненный дарами жур-

налу: коврами с Лениным, снопами пшеницы и риса, бюстами космонавтов, вырезанными из реликтовых пней. Я давно хотел разобраться в этом нагромождении, но руки не доходили. Так или иначе мы с норвежской актрисой нашли костюмные плечики, распяли на них куртку и водрузили ее в центре стенда. Письмо хемингуэзовского брата я положил в карман куртки, предварительно сняв с него ксерокопию на память. С тех пор прошло много лет и сменилось несколько адресов «Огонька». Не знаю, куда подевались ковры и точеные пни, но жаль, если куртка не сохранилась.

Люди, выросшие в других условиях, не всегда умеют нас понять. Есть полуанекдот о том как американский студент слушал рассказ о беззакониях, происходивших в сталинско-бериевское время, а затем поднял руку и спросил у профессора: «Раз такое творилось, почему же никто не вызвал полицию?»

Как-то известный английский писатель Дэвид Корнуэлл, широко издающийся во всем мире под псевдонимом Ле Карре, пожаловался мне в Москве, что люди на советских улицах производят на него впечатление толпы, непрерывно ищущей выход из лабиринта, где все заблудились и отчаялись в поиске...

— Погоди, — перебил я собеседника. — Представь себе, что в твоей Британии разом расстреляли всю королевскую семью, всю палату лордов, весь или почти весь офицерский корпус, разогнали парламент, разграбили имущество миллионов людей, в том числе твое лично, ограбили и разрушили соборы всех религий, а самую мыслящую часть интеллигенции уpekли в тюрьмы или вытолкали в эмиграцию. У крестьян-кормильцев отняли землю. Затем вас заставили пожить в таком состоянии лет семьдесят пять, а после посоветовали восстановить все как было. Сколько вам, леди и джентльмены, понадобилось бы времени для восстановления не то чтобы изящных манер, а подобия человеческой жизни?

— Не знаю, — хмыкнул мой погрустневший собеседник. — Я не умею мыслить такими категориями. Нужно очень многое знать, чтобы понять вас.

Когда я рассказываю сегодня молодым людям, что полуторамиллионные тиражи сочинений Чехова, Гоголя или Салтыкова-Шедрина, которые издавал «Огонек», расходились мгновенно и очереди на подписку стояли по ночам, на меня смотрят недоверчиво и сочувственно. С тем же сочувствием глядели на меня американские студенты, с которыми я пы-

тался поделиться впечатлениями от встреч с их нобелевским лауреатом и классиком Джоном Стейнбеком. Они его не читали и даже не слышали про такого. Как бы в развитие этих мыслей я приобрел на раскладке в московском Столешниковом переулке замечательный томик под названием «Все произведения школьной программы в кратком изложении». Книгу явно придумали и составили люди, как бы извиняющиеся за рутинность школьных программ. Они кратенько пересказали для школьников, занятых бултыханием в жизненном океане, толстые тома, которых те никогда уже не прочтут. Кроме кратчайшего изложения («Война и мир», том 1, часть 1. «Июль 1805 года. В петербургском салоне графини Шерер собираются гости...»), там есть еще куча полезнейших сведений об особенностях указанных книг («Преступление и наказание» Достоевского: «Центральный образ романа — Родион Раскольников. Его преступление — индивидуалистический бунт против порядков окружающей его жизни...»). Покупая книгу, я сказал продавцу, парню лет двадцати: «Мне все это читать приходилось. А теперь так просто...» — «Да, — сочувственно покивал парень. — Мои старики тоже намучились...»

Народная библиотека классики, издаваемая «Огоньком», — мост между умниками, читавшими нас раньше и теперь. Хорошо, что их много и они перекликаются.

Примерно через полгода моей работы в «Огоньке» нам удалось заснять на видеопленку тренировки военизированных групп в подмосковном городе Люберцы. Аккуратно подстриженные мальчики занимались боевым каратэ в специально оборудованных подвалах. В свободное от тренировок время эти орлы одевались в подобие униформы черного цвета и ездили в Москву, где отрабатывали разученные приемы, избивая хиппи, панков, рокеров и других волосатых обитателей московских бульваров. Так называемые «любера» вели себя очень нагло и пользовались явным благоволением местных властей и Министерства внутренних дел. Обо всем этом мы и написали; публикация была замечена и щедро цитировалась мировой прессой. Через неделю мне позвонили по «вертушке» и сообщили, что я вызван на секретариат ЦК для обсуждения статей в «Огоньке», направленных на компрометацию советской власти и ее органов правопорядка. Обиженные нами органы представлял на секретариате замминистра внутренних дел по фамилии Трушин.

Председательствовал Егор Лигачев, и первое, что он спросил, было: «Вы с кем? В чьей вы команде?» Я еще не успел ответить, как прозвучал

второй вопрос, более личный: «А вы сами, когда видите этакое лохматое, с цепями на шее, приплясывающее существо, вы-то сами не хотите ли взять его за эту цепь и...»

Ответ мой был на научном уровне: «Весь опыт нашей истории свидетельствует, что, если человека бить, он не обязательно становится более патриотичен и лоялен к властям».

Меня пробовал спасти один из руководителей военно-промышленного комплекса Долгих, кто-то еще говорил о потерянности нашей молодежи, которой никто не занимается. Но Лигачев жал на свои аргументы, не столько желая немедленно стереть меня в порошок, сколько показывая твердость собственных убеждений. Ко мне пришло ощущение, что, тронув Люберов, мы невпопад влезли в какую-то чужую игру, ведущуюся высоко и серьезно.

Я был достаточно опытен и понимал, что с первого раза не разорвут, поэтому просто ждал, чем все кончится. Кончилось смешно; меня спас член Политбюро товарищ Соломенцев, который с закрытыми глазами дремал все заседание, а затем вскинулся и, не обращая внимания ни на Лигачева, ни на остальных, произнес странную фразу: «Я вчера смотрел телевизор». Я тут же вообразил, как заседало брежневское Политбюро, где такие маразматики были в большинстве. Вот спал человек, спал, а затем проснулся и сказал про телевизор, а мог про птичек или про жизнь на Луне. Соломенцев сорок минут рассказывал про все, что он увидел с телеэкрана, и спас меня, как легендарные гуси некогда спасли Рим своим гоготом. Лигачев скис. После бесконечного соломенцевского монолога он буркнул о важности разговора, который должен поднять, послужить и содействовать, и закрыл заседание. Обошлось.

Мы видим далеко не всё. В частности, не видим того, что нам разглядывать не положено, — президентских помощников, которые зачастую и формируют мнения главы государства. Президенты — люди занятые, газеты им читать некогда, радио с телевизором тоже не очень им видны и слышны. Зато каждое утро на президентский стол попадает тоненькая папочка с выборкой самых главных новостей, и те, кто отбирает сообщения в эту папочку, бывают повлиятельнее министров. «Уже месяцев пять Горбачев не слышал ни одного хорошего слова о вас, — сказал мне как-то Александр Яковлев и после паузы добавил: — Обо мне тоже...» Накануне я как раз встречался с коллективом МГУ в актовом зале университета, отвечал на десятки вопросов, среди которых был один из популярнейших тогда: что думаю о Раисе

Максимовне, супруге генсека, и ее роли в управлении государством? «Не уверен, что здесь самое время и место для рассуждений об этом, — сказал я. — Вот, если буду брать интервью у Михаила Сергеевича, то, может быть, и спрошу...» Назавтра мне позвонил Иван Фролов, помощник Горбачева: «Михаил Сергеевич расстроился, что ты сказал в МГУ, будто хочешь побеседовать с ним о поведении Раисы Максимовны. Зачем ты так?» Это же надо было — среди самых важных сообщений сунуть в папку главы государства донос с перевернутым изложением сказанного! Горбачев обиделся, а я никогда не узнаю, кто из его помощников смастерил эту кляузу...

Когда в нашей стране началась директивная борьба с пьянством, многие жизни разрушились. Больше у виноделов. Их заставляли выкорчевывать вековые лозы, уничтожать хранилища вин. Мы в «Огоньке» дали большой материал о главном виноделе Массандры, который повесился, не выдержав разрушения дела всей своей жизни. Статья натворила шуму и от массандровцев на время отстали.

Виноделы Массандры как-то отловили меня в Крыму и пригласили в гости, причем на экскурсию, а не на распитие. Виноделы редко бывают азартными бражниками. Мы бродили по знаменитым подвалам, трогали столетние и постарше бутылки, рассуждали о традициях. Показывая коллекционные портвейны, один из научных сотрудников сказал, что недавно к ним с отдыха приезжал Михаил Горбачев с супругой, осматривал погреба, расспрашивал. «А супруга его, — добавил массандровец, — вдруг возьми и ляпни: “Мы вот этого портвейна, Миша, не пробовали. Попроси бутылочку...”». «Что же Михаил Сергеевич?» — спросил я. «А ничего, — ответил винодел. — Покраснел немного, постоял, поковырял пробку, а потом буркнул, не оборачиваясь: “Помолчала бы...”». Он ведь приезжал, чтобы посоветоваться, можно ли Массандру перевести с выпуска вин на производство фруктовых соков».

Через несколько месяцев мне довелось быть на Кипре, и тамошние члены правительства рассказали, что им предложили вместо вин поставлять в нашу страну виноградный сок по той же цене. Что было самой странной и выгодной сделкой для острова за много лет.

Ах, эти супруги... «Огонек» с издательством «Прогресс» проводил встречу по поводу новых публикаций о демократических реформах. Участвовал по нашему приглашению и академик Сахаров. Он пришел со своей

женой Еленой Боннэр и скромно сел в углу. Я пригласил Андрея Дмитриевича в президиум. «Мы будем сидеть здесь», — сказала Боннэр безапелляционно. «Когда вы хотите выступить?» — наклонился я к Сахарову. «Он пока что не будет выступать», — ответила Боннэр. В разгар заседания супруга академика протиснулась ко мне и сказала: «Сахаров готов выступить через одного человека». Я сделал все, как она велела...

При Горбачеве свободу слова пробовали дозировать, как лекарство. Открываю наугад один из блокнотов с записями инструктажей в ЦК. Сообщение в отделе пропаганды у заместителя заведующего Альберта Власова. 4 августа 1988 года, 4 часа дня. Редакторы предупреждены, что цензура снимет любое упоминание о двадцатилетии подавления «пражской весны». Ни в одной газете, ни в одном журнале не должно быть ни строчки. Также: не нагнетать афганскую тему, не заострять разговор об Афганистане. В стране 35 тысяч вдов и сирот — не надо их волновать. И так далее...

23 сентября, 11 утра. У Горбачева. Первая реплика: «Здесь многие хотели бы меня покритиковать, но сейчас я вам этого не позволю». Ответная реплика главного редактора «Правды» Виктора Афанасьева: «Не дошли мы еще, Михаил Сергеевич, до того, чтобы Генерального секретаря критиковать!» И так далее...

22 января 1988 года в ленинградском концертном зале «Октябрьский» состоялся наш совместный с Евгением Евтушенко вечер. Одно отделение было моим, другое — его. Народу в зал набилось выше крыши, интерес был огромным, и публика собралась неагрессивная. Мы рассказывали, читали стихи, отвечали на вопросы. В одной из записок, адресованных мне, спрашивали, что я думаю о недавнем выступлении министра обороны страны маршала Язова, который тряс номером «Огонька» в телекадре и кричал, что эту гадость порядочные люди в руки брать не должны. Стараясь быть предельно тактичным, я порассуждал о демократизации и о том, что в наше время каждый имеет право читать все, что хочет. Кроме того, сказал, что смягчение нравов происходит во всем мире, почему я надеюсь, что из нашей победоносной армии скоро уберут самые большие ракеты и самых больших дураков. Ни фамилий, ни должностей я не называл. Тем не менее на завтра, когда прямо с вокзала, из вагона «Красной стрелы», я прибыл в редакцию, меня ошарашила трезвонящая «вертушка». Это был

Горбачев. «Ты что делаешь?» — сурово спросил он. «Думаю о вас», — грустно ответил я. «Сию минуту марш ко мне!..»

В кабинете на шестом этаже «Первого подъезда» присутствовали сам генсек, его помощник Иван Фролов, а также секретарь ЦК по идеологии Александр Яковлев. Михаил Сергеевич, увидев меня, стал витиевато материться, попутно разъясняя, кто есть лидер перестройки, а также напоминая о своем праве работать с теми, кому он верит и с кем хочет работать. Я слушал со смиренно опущенным взором, потому что программа нашего свидания, судя по всему, предвидела только этот назидательный монолог.

Отругав меня, Горбачев снизил тон, взял обещание, что я больше никогда не буду, и велел убраться прочь. Яковлев поднялся из-за стола вместе со мной; мы выходили вместе. В укромном местечке приемной он шепнул: «Поняли, в чем дело?» Я отрицательно покачал головой. «Через два часа будет заседание Политбюро, где министры обороны и госбезопасности потребуют вас уволить. Горбачев пообещал поговорить с вами и дать вам последний шанс. Это он кричал для них...» — И Яковлев повел рукой куда-то в сторону потолка.

Мне стало не страшно, а обидно. Глава мощнейшей державы вынужден был оправдываться перед кем-то, на какие-то микрофоны — прямо не верилось...

Я вспомнил об этом разговоре через несколько лет, когда увидел интервью с Борисом Березовским, который рассказал, что в годы, когда он жил в России, плотно сотрудничая с ельцинской администрацией, ему приходилось посещать руководство ФСБ на Лубянке. В моменты самых доверительных бесед председатель ФСБ России выводил его на лифтовую площадку как бы на всякий случай, опасаясь подслушивания.

До сих пор пытаюсь понять, кто же этот всемогущий всезнайка, разведший свои уши над самыми главными кабинетами. Вы не знаете?

Мир полон метафор. В 1988 году меня нарекли International Editor of the Year (впервые на советских просторах редактор получил это ежегодное звание, такого журналистского «Оскара»), вручили по этому случаю в ООН медную доску с гравировкой и пригласили в поездку по США. В самом начале вояжа меня свозили на ферму в штате Иллинойс, где владелец только что соорудил большой элеватор. Поскольку с элеваторной крыши открывался замечательный вид на множество миль, фермер с ходу предложил мне и двоим соседям немедля прока-

таться на только что построенном лифте и выпить на крыше элеватора по бутылке пива. Снаружи к башне зернохранилища был приварен рельс, и по нему ходила самодвижущаяся кабина: очень просто. Мы вошли в кабину и нажали кнопку — поехали. Метрах в двадцати от земли лифт дернулся и встал. Не скажу, чтобы это было очень забавно: тесная кабинка высоко над землей, рельсик, приваренный к стенке железной бочки. Те, кто разглядывал нас с земли, позже рассказывали, что им стало страшно.

Страшно было и мне. Но один из американцев что-то понажимал в кабинке, открыл дверь и переверотом выбрался сквозь нее на крышу лифта. Постучал чем-то, произнес несколько непечатных английских слов, после чего лифт дернулся и поехал — уже с человеком на крыше. Так и добрались.

Позже, сочиняя статью для тамошнего журнала, я написал, что это была прекрасная политическая метафора: всегда должен быть кто-то, кто рискнет над пропастью, чтобы мы вместе двинулись вверх. Сидим в общем лифте, и надо быть готовыми спасать друг друга всегда.

Чем больше мы атаковали чиновничью власть, тем с большими задержками печатался наш тираж, тем хуже доставляли его подписчикам. Однажды нам объявили, что из журнала изымается цветная вкладка — для нее, мол, нет в стране ни бумаги, ни полиграфии. А вкладки были предметом особой гордости «Огонька». Несколько десятилетий подряд для многих подписчиков, особенно из провинции, они были главным источником информации о живописи. Многие даже коллекционировали наши вкладки. Но печатались-то мы в комбинате ЦК КПСС «Правда». Время от времени «Правда» выдавала чудовищные цвета репродукций, не имеющие с оригиналами ничего общего. Но они были выше закона. В ответ на претензии партийные типографы пожимали плечами, зная, что все равно никто их не станет наказывать. А в 1989 году вообще решили снять у нас полную вкладку — четыре цветные страницы.

Как раз в это время редакцию посетил герр Фогель, председатель Социал-демократической партии ФРГ. Выслушав мои сетования, он твердо сказал, что поможет. Через несколько дней прикатили его представители, переписали технические характеристики и вскоре сообщили, что гарантируют «Огоньку» своевременное печатание всех вкладок при единственном условии — на каждой из них должно быть указано, что это любезность немецких социал-демократов. Да ради бога укажем, только печатайте!

Несколько лет назад меня за такие фокусы могли бы и посадить. Теперь же я официально уведомил издательство «Правда», что изъятие ими вкладки, за которую миллионы читателей журнала уплатили полную стоимость при подписке, незаконно и мы достигли соглашения о пресечении этого безобразия с полиграфией из ФРГ. Вкладки будут доставляться грузовиками в точном соответствии с графиком выхода «Огонька» в свет. У директора издательства «Правда» Леонтьева отвисла челюсть: такого вторжения чужеземных сил в издательство, где публикуется «Правда» и документы самой пролетарской на свете партии, он не ожидал. Реакция власти была предсказуема: нам прислали правительственное уведомление, что в связи с состоянием российских дорог транспортники не могут гарантировать своевременного прибытия грузовиков с вкладками, а значит, есть угроза, что нарушится производственный график и всякое такое. Но власть пошипела-пошипела и вкладки мы все-таки отстояли, дело стало слишком громким, нас нельзя было уже придушить под подушкой — журнал читали во всем мире и следили за его судьбой довольно внимательно...

Помню утро, когда умер академик Сахаров. На рассвете мне позвонили, сообщив черную весть. Я в свою очередь позвонил, кому смог. Евтушенко тут же сказал, что садится писать стихи. Гавриил Попов предложил собраться. Случилось это в день парламентского заседания, и мы, человек десять, заранее пришли в Кремль, чтобы выработать общую линию поведения. Накануне, часов за пять до его кончины, мы были с Сахаровым на собрании межрегиональной депутатской группы и он декламировал неприличный стишок собственного сочинения, посвященный смене партийного начальства в Ленинграде:

На Гидаспова сменили Соловьева,
А живем по-прежнему...

Все еще не верилось, что Сахарова нет. Мы условились: если заседание начнут не с трагического известия, уважаемый и любимый всеми актер Михаил Ульянов самочинно взойдет на трибуну и поднимет зал в минуту молчания. Тем временем сессионный зал понемногу заполнялся; я заметил, как из кулисы вышел Александр Яковлев и похромал к своему месту. Еще не ведая официальных мнений, но помня, как на прошлой сессии Горбачев отключил Сахарову микрофон, я сказал Яковлеву о случившемся. «Знаю», — ответил он. «Напишите в “Огонек” об Андрее Дмитриевиче. Именно вы, член Политбюро...». «Напишу. Но не надо подписывать от политбюро. Просто фамилией подпишите. Это будет мое личное мнение о Сахарове».

После этого я подошел к Горбачеву и протянул ему черно-белый портрет Сахарова: «Напишите для «Огонька» одну фразу наискосок: “Я очень любил этого человека, и мне будет его недоставать”. Мы дадим на обложку...» «Не надо, — сказал Горбачев. — Я что-нибудь напишу для международной прессы. Может быть, через АПН». — «Напишите нам, — настаивал я. — Яковлев тоже напишет». — «Пусть пишет, — сказал Горбачев. — На то он идеолог...» Мы в журнале опубликовали хорошую статью Яковлева. А Михаил Сергеевич тогда зря отмолчался. Впрочем, это его дело...

В разгар горбачевской перестройки, когда мы не умолкая глаголали о честности, порядочности, правдивости, душевном очищении и других высоких материях, я по приглашению нескольких токийских газет съездил в Японию. Интерес к происходившему в нашей стране был огромен, с утра до вечера шли пресс-конференции, я ходил с приема на прием, и японцы в унисон со мной восхищались событиями, происходившими в стране, где недавно еще заправляли злые большевики. В общем, когда в последний день поездки я возвращался в гостиницу сквозь скопление лавочек с недорогой электроникой, то вспомнил, что по-советски ничтожная сумма моих командировочных лежит нетронутая в бумажнике. Я попросил притормозить у первого попавшегося магазинчика. Все было очень дешево, и моих денег как раз хватило на покупку маленького телевизора. «Ничего, — сказал я себе, — будет жене для кухни». Я оплатил телевизор, погрузил его в багажник и возвратился в гостиницу. Там меня ожидала команда японских телевизионщиков. Быстренько выпросив у меня всё, что они хотели знать, всласть порассуждав о высокой морали, телевизионщики в конце вручили мне гонорар в белом конвертике и уехали. Вышло так, что в последний день пребывания в Токио у меня появились хоть какие-то приличные деньги.

Я вызвал такси, возвратился к тем же залежкам электроники, где только что приобретал телевизор для кухни, и как на духу изложил владельцу лавки свою проблему. «Нет ничего легче, — ответил японец на свистящем варианте английского языка. — Я беру все ваши деньги и приму обратно телевизор, купленный вами три часа назад. А взамен дам вам вот этот телевизор Тошиба с очень большим экраном». На мое сообщение, что завтра рано утром я улетаю и мы никак не успеем произвести все обмены, ведь уже конец дня, японец ответил с той же невозмутимостью: «Вы оставьте телевизор, который купили у меня, в своем номере,

я его потом заберу. Ваш новый телевизор доставят в аэропорт прямо к рейсу. Нет ничего легче». Я очень устал за день, плохо соображал, продиктовав номер своего рейса, отдал деньги и возвратился в гостиницу. Там, после душа и ужина, я предался размышлениям о собственной глупости. Вышло, что я оставляю телевизор, купленный раньше, а также отдал все свои деньги. Завтра утром улетаю без всякой надежды докричаться до дешевого японского магазинчика. То, что никакого телевизора мне в аэропорт не привезут, ежу понятно. Я пребываю в дураках: сам виноват.

Утром, скрепя сердце, оставил в гостинице свой маленький телевизор и поехал в аэропорт. Пошел на регистрацию. Возле моей стойки стоял маленький японец в синем комбинезоне и опирался на огромную коробку с телевизором «Тошиба». К коробке были прикреплены все мои гарантийные талоны и кассовые чеки. Телевизор проработал в Москве около двенадцати лет без единой поломки...

Позже я не раз вспоминал, как рассказал эту историю соседу по рейсу—японцу и он никак не мог уразуметь, чему я так удивляюсь. Недавно прочел в одной из московских газет заметку их корреспондента из Токио. Он забыл свой кошелек в телефонной будке и, уже ни на что не рассчитывая, возвратился в будку через час. Кошелек лежал на том же месте. Станный они народ, эти островитяне.

Джорджтаунский университет присудил мне свою очень престижную премию: за распространение информации, способствующей лучшему взаимопониманию народов. Вместе со мной такую же награду получал Тед Тернер, миллиардер, создатель и владелец телеимперии CNN. Нам вручили красивые дипломы в рамочках и денежную часть премии в виде чеков. Ожидая своей очереди к трибуне, с которой полагалось сказать благодарственные слова, мы с Тернером почтительно сидели за столом президиума, вертя в пальцах карандаши, бумажки и скрепки. Телемагнат старательно сооружал из бумажки лодочку, затем расправлял ее и делал снова. Наконец речи были произнесены, Тернер извинился и ушел, сославшись на дела, а я остался один за лауреатским столом. Ожидая, пока председательствующий закроет собрание, я взял бумажную лодочку, оставленную Тедом Тернером, и расправил ее. Оказалось, что лодочка была сложена из премиального чека на семь тысяч долларов. Для владельца телесетей это была такая мелочь, такая ерунда. Не в деньгах счастье?

Кто-то пошутил, что у прежних, послеоктябрьских, эмигрантов в кро-ви бродило шампанское, а у этих — «Солнцедар». Многие эмигранты стараются по-быстрому стать картиннее местных жителей, приходится в джинсы и тexasские «пятигаллоновые» шляпы. Впрочем, состояние это универсально, оно может развиваться и дома; знаю немало таких, кто и внутри своего народа притворяются — с расписными хохломскими ложками за голенищами смазных сапог. Впрочем, у кое-кого это искренне. Хороший русский прозаик Василий Белов сочинил «телегу» в ЦК, обвиняя «Огонек» в утрате национальной самобытности. Меня, а заодно и главного редактора газеты «Московские новости» Егора Яковлева он обвинил, страшно сказать, — в троцкизме. Я хорошо знал Белова и так же хорошо знал, что троцкистов от мазохистов он не отличит ни за что. Но тем не менее... Мне дали прочесть его письмо без комментариев и при мне уложили его в папочку...

Очень забавно узнавать байки о себе. Одну я откомментировал в апреле 1991 года, когда делал в Калифорнии доклад на конференции, организованной журналом «Форбс». Поприветствовав собравшихся, сразу же спросил, есть ли среди них сотрудники ЦРУ. Наступила тишина. Переспросил — и снова никто не отозвался. «Ладно, — заявил я. — Можете прятаться. Но, если вы честные люди — заплатите мне как положено. В нашей стране мнения членов Политбюро оспаривать не полагается, а только что один из них, министр обороны Язов, опубликовал статью в газете «Советская Россия» о том, что я у вас на содержании, а хотя бы цент кто-нибудь дал...» Аудитория облегченно засмеялась. У нее был другой жизненный опыт, и поэтому меня поняли не сразу.

Уже в Москве Юрий Никулин рассказал анекдот о лагерной переключке недалекого будущего. Выкрикнули мою фамилию, но никто не отозвался. На третий или четвертый раз я наконец отозвался. «Раньше, Коротич, надо было молчать», — посоветовал конвойный офицер...

Году в 1988-м я пришел к тогдашнему председателю КГБ Виктору Чебрикову с просьбой о беседе. У меня была идея параллельного интервью — с Чебриковым и директором американского ЦРУ Уэбстером. Я хотел задать им почти одинаковые вопросы. О том, как подбираются кадры, как формируются бюджеты. Могло бы получиться интересно. Но прямо с

порога Чебриков сказал мне, что готовится к уходу на пенсию, поэтому интервью с ним бессмысленно. Через несколько минут председатель КГБ стал задумчив и буркнул:

— Все. Ухожу. Знаешь, сколько я сделал для страны? Кем только я не был — и на фронте воевал, и в обкоме служил, и вот здесь... А теперь? Вот у тебя есть дача, а у меня нет. У тебя есть автомобиль, а у меня нет. Все казенное. Я зависим...

У меня вертелось на языке: «Зато вы, генерал, всё знаете про мои дачу с автомобилем. Зато по вашим приказам пересажали множество диссидентов. Сахарова из Москвы выслали, при вас расцвела судебная психиатрия. У вас много такого, чего не только у меня — ни у кого нет. Родина вас не забудет».

Но я ничего не сказал. Бог с ним.

«Огонек» был всенародно любим. Но мы работали как бы на водорезе, где набегающие волны не раз угрожали захлестнуть нас с той или другой стороны. Не захлестнули.

В журнал приходило до тысячи писем в день; люди делились своими планами, просили о помощи, присылали слова поддержки. Однажды я похвастался в ЦК этим потоком дружелюбия. Тысяча писем в день! Мы приняли предложение нескольких крупных зарубежных издательств, и книги писем в «Огонек» вышли в переводах на английский и немецкий языки. Но мое хвастовство пресек деятель из отдела пропаганды ЦК: «Мы получаем по две тысячи писем в день, требующих уволить вас и разогнать “Огонек”», — буркнул он без улыбки.

Когда мы объявили, что зарплаты у наших сотрудников в разы ниже, чем у работников партийной прессы, беззастенчиво приходящей огоньковские прибыли, нас неожиданно завалили денежными переводами — частично незначительными, но всегда искренними, с которыми мы попросту не знали, что делать. Народная поддержка была разнообразной, не только денежной. После того как Министерство обороны запретило выписывать наш журнал в воинских частях, многие офицеры сообщали, что подписались на «Огонек», адресуя его на арендованные почтовые ящики, и читают по очереди.

Приходило немало жалоб на бесчеловечность в местах заключения, поборы охранников и прочие безобразия. В «Огоньке» появилась статья о беспределе в тюрьмах и лагерях с фамилиями нескольких виновников. Через какое-то время мой старший сын отдыхал в Крыму и в баре ялтин-

ской «Ореанды» к нему подсел незнакомец. Справившись у сына о фамилии, незнакомец сказал: «Мы уважаем “Огонек” и твоего отца. Если что — наш человек всегда сидит вон за тем столиком, обращайся, он поможет и защитит, если надо».

Защищать нас готовы были добровольцы, бывшие как в неладах, так и в ладах с Уголовным кодексом. Когда в печать проскочило сообщение, что мне угрожают, шлют подметные письма, ко мне домой заявили представители артели, делающей стальные двери, и бесплатно установили в квартире броневой вход. Ассоциация афганских ветеранов постановила охранять огоньковские вечера; на московских встречах с читателями в кулисе всегда сидело несколько здоровых парней, внимательно зыркающих по сторонам. Спасибо!

Ничто не возникает из ниоткуда и ничто не исчезает бесследно. Мы годами мечтали об упразднении цензуры, считая, что от нее все наши несчастья, а цензоры — монстры, которые, будучи однажды убраны из надзорной сферы, уже никогда к нам не вернуться. В «Огоньке» я еще ощущал, что главным врагом каждого, кто пишет о нашем обществе, является маленький испуганный человечек, запущенный советской властью каждому вовнутрь и толкающий под локоток при любой попытке опубликовать смелый материал: «Не спеши, остерегись, не лезь на рожон...» Что же до официальных цензоров, то постепенно выяснилось, что цензоры такие же люди, а с некоторыми можно договориться. Более того, один из руководителей цензуры, заместитель начальника Главлита Владимир Алексеевич Солодин, оказался сторонником «Огонька». Он снимал у нас немало материалов согласно своим инструкциям, но вопреки этим же инструкциям звонил иногда, чтобы предупредить: «Только что мы подписали в печать довольно гнусную статью против вас в следующий номер такого-то издания. Заезжайте, взгляните, надо бы ответить...»

Президент Рейган приехал для переговоров в Москву. С ним прибыла огромная охрана, кухня и джазовый квартет Дэйва Брубeka. Это кроме членов официальной делегации.

В ресторане Дома литераторов для Рейгана был дан завтрак. Герой Советского Союза Владимир Карпов, служивший тогда председателем советской писательской организации, произнес интеллектуальную приветственную речь. В ней он сообщил, что если бы он, Карпов, был верую-

щим, то заказал бы икону, где в центре Иисус, а по бокам Рейган и Горбачев (конечно, в случае, если президенты договорятся о разоружении). Американский генерал Пауэлл, сидевший со мной за столиком, удивленно выслушал это, повертел вилку и сказал как бы сам себе:

— Насколько помню, там с двух сторон от Христа были разбойники...

Поулыбавшись, мы занялись едой, благо она была роскошной: блины с икрой, немислимые сорта рыбы, еще что-то.

— Угощайтесь, дорогие гости, — говорил Карпов. — Мы всегда так едим.

Вечером в резиденции американского посла прием давал Рейган.

Играл квартет Брубeka. Нам выдали по куску жареного цыпленка с салатом и по бокалу белого калифорнийского вина. На десерт был яблочный пирог.

— Угощайтесь, дорогие гости, — говорил Рейган. — Мы всегда так едим.

В 1987 году меня познакомили в Нью-Йорке с Татьяной Яковлевой. Легендарная парижская любовь Маяковского была красива и в свои 90 лет. В ней чувствовалось то, что англичане зовут породой: как она двигалась, как протягивала руку для поцелуя, как глядела на собеседника. Познакомила меня с Яковлевой ее дочь, американская писательница Фрэнсин дю Плесси-Грей, с которой мы давно дружили и старались общаться при всякой возможности.

Я не очень уж мал, но рядом с Фрэнсин терялся, в ней было за метр девяносто росту плюс каблуки и шляпа. Но поэтому же я часто ее подначивал: «Сделай рукой вот так! Ну точно, вылитый папочка!» Огромная Фрэнсин до седых волос сохранила способность краснеть, щеки ее тут же становились пунцовыми, и она в сотый раз уверяла меня, что никакая она не дочь Маяковского, а отец ее французский граф дю Плесси, за которым ее красавица мать однажды побывала замужем. Кроме того, Фрэнсин родилась в 1933 году, а Маяковский застрелился за три года до этого. Но я нахально изводил писательницу, доказывая ей, что родства с известным поэтом стесняться не следует, а все остальное — дело житейское. Фрэнсин краснела раз за разом, но однажды не выдержала: «Думаешь, ты первый, кто говорит мне об этом? Бродский приставал с этими издевками и еще кое-кто. Однажды я даже решила спросить маму — мы с ней дружим и разговариваем обо всем. Мама холодно взглянула на меня и сказала: “Как можно, Фрэнсин! Ты не представляешь, до чего скверно у

Маяковского пахли ноги!» Я хорошо знаю маму, для нее этот барьер был неодолим, она могла пойти в постель только с мужчиной элегантным и хорошо воспитанным...» Фрэнсин так и сказала: «Пойти в постель», «Go to bed, а не «переспать» или еще как-то. Я снова взглянул на старую леди Татьяну Яковлеву и подумал, скольких людей мы посмертно искупали в душистых шампунях и сколько ларчиков открывается по-житейски просто. «Господин Коротич, подойдите ко мне», — позвала гранд-дама, и я невольно оглядел себя, направляясь к ней.

В Италии отмечали юбилей газеты «Унита» и в числе прочих гостей позвали на этот праздник главного редактора «Огонька». Дело было на севере страны, возле Милана, приглашенных было много, они были разнообразны: не только пишущая братия, но и певцы, балерины, а также представители национальных кухонь из нескольких стран. Итальянцы темпераментно восхищались свободой, озарившей бывшие советские республики, певцы и плясуны тешили публику своими умениями, писатели многозначительно улыбались, а национальные повара вкусно кормили всех подряд. В потоке дискуссий, концертов и непринужденных дегустаций я однажды посетил павильон, где трудились азербайджанские шашлычники. Их, по слухам, поскольку нужны были профессионалы, мобилизовали прямо с бакинского рынка.

Шашлычники отнеслись ко мне очень уважительно, показали итальянские мангалы, повосхищались другим оборудованием и посмеялись над белыми халатами с колпаками, которые на них пытались напялить. Бакинские гости угостили меня шашлыком и побеседовали о странностях иностранной жизни. Дело в том, что в помощь шашлычникам придали местных вспомогательных работяг. Эти итальянцы крошили лук, помидоры, вытирали столы и нанизывали баранину на шампуры. Общались потомки римлян с бакинцами на универсальном языке жестов и вроде бы понимали друг друга. Но не всегда.

— Понимаешь, ерунда получается, — сказал мне усатый повар. — Они здесь какие-то сумасшедшие. Ну, бывает у нас перерыв, надо покушать. Итальянцам показываю: «Вот шашлык, вот помидоры, бери, пожалуйста-ста!». А они разворачивают свои пакетики, достают оттуда какие-то несчастные куски хлеба с сыром, вялые помидоры и в сторонке жуют. Я им повторяю: «Вот вино в графине, пейте, пожалуйста. Мы потом — стакан вина сюда, стакан воды туда». Не хотят! Они, понимаешь, водой из крана запивают. Совсем сумасшедшие!

Мы с шашлычниками были сплочены советским воспитанием и собственной гордостью, поэтому посидели еще немного, пожевали сочное мясо, запили винцом и разошлись, довольные друг другом...

Со временем сформировался едва ли не основной принцип: личности должны делать наш «Огонек», но и публиковаться в нем должны тоже личности. В развитие темы я вспомнил, что у меня есть несколько хороших антологий англоязычной поэзии — английской, американской, австралийской. Все они составлены знаменитыми поэтами. У нас этот вопрос решался иначе: состав сборников утрясался в институте литературы или на авторитетном филфаке, после чего утверждался в ЦК. Мне же очень хотелось, чтобы и у нас вышли авторские антологии русской поэзии, личностные до последнего слова. Я начал склонять Евгения Евтушенко к этому подвигу, и приятно, что он согласился на удивление быстро, попросил только помощника — выделили ему Феликса Медведева, делавшего черновую работу. Евтушенковская антология печаталась в «Огоньке» из номера в номер, позже вышла огромным томом, а затем была переиздана в переводах на несколько языков. Это не был очередной казенный томище, невыразительный, как табличка на двери кабинета. Евгений раскрылся по-новому даже для самого себя, написал много замечательных эссе о поэтах, все было лично, а поэтому неповторимо. Жаль, что другая подобная затея не удалась — я уговаривал критика Бенедикта Сарнова составить похожую антологию русской новеллы. Критик согласился, но затем стало ясно, что он не взялся за дело с тем же энтузиазмом, что азартный Евтушенко. Но не всё сразу; действие равно противодействию, и каждая личностная публикация провоцирует бунт безликих. Мы с Евгением долго еще отбивались от обиженных современников и отписывались начальству за то, что назвали многие запрещенные имена: Мережковского с Гиппиус, Гумилева, футуристов, эмигрантов. Всякая работа, где есть с кого спросить за результат, стоит свеч. Любая личностная, авторская публикация — знак свободы выбора и одновременно признак уважения к читателям. Мы старались, чтобы все голоса в «Огоньке» были узнаваемы.

Очень люблю замечательного петербургского поэта Николая Гумилева, и первым моим желанием в «Огоньке» было наконец издать его, расстрелянного и запрещенного советской властью. Я даже решил использо-

вать в этом случае проверенную тактику — «kozyрных предисловий». Когда-то в Киеве я смог таким образом издать настрого запрещенный роман Марио Пьюзо «Крестный отец», снабдив его предисловием генерал-лейтенанта милиции, которое мы ему сами и написали: «Автор в силу ограниченности не поднимается, но тем не менее он помогает понять всю бесчеловечность...» и так далее. Для Гумилева я заказал предисловие Владимиру Карпову, Герою Советского Союза, возглавлявшему Союз писателей. Он написал все, что надо, и мы одновременно выпустили книжечку в библиотечке журнала, а также большую подборку Гумилева в номере. Бог не выдал, цензура не съела. Но когда меня вдруг пригласил к себе в кабинет всевластный Егор Лигачев, вторая фигура в ЦК партии, ортодокс из ортодоксов, я решил, что мой оптимизм может оказаться чрезмерным. Я вошел в кабинет на цыпочках, напряженно слушал, а Егор Кузьмич расспрашивал, как пришла в голову идея издать расстрелянного поэта и почему это удалось. Поговорив, он подошел к двери кабинета и раздвинул над ней едва заметную полку: «Я уже много лет ксерокопировал стихи Гумилева, где только мог доставал их и сам переплел эти тома для себя». В сафьяновом переплете с золотым тиснением странный «самиздатский» Николай Гумилев в двух томах лежал на ладони второго секретаря ЦК. Вот уж чего я не ждал! «Почему вы не велели опубликовать его легально массовым тиражом?» — наивно спросил я. «Сложно это...» — загадочно сказал Лигачев и начал прощаться.

«Огонек» делался весело, иначе он не смог бы стать любимцем самых разных людей. Нас обожали миллионы читателей, передававших номера из рук в руки, но нас терпеть не могли многие зажавшиеся чинуши. Помню, как я шел на XIX Всесоюзную партконференцию, где была создана специальная комиссия во главе с секретарем ЦК Разумовским для расследования обвинений в коррупции, которые журнал выдвинул в адрес нескольких цековских деятелей. Люди на улицах Москвы хлопали по плечу, жали мне руки: «Держись!», но чем ближе я подходил ко Дворцу съездов, тем холоднее мне становилось, а когда я вышел на трибуну партконференции, из зала поперло холодом, как из погреба.

История это известная, ее показывали по всем телеканалам. Я всего-навсего передал Горбачеву конверт с делами четырех высокопоставленных партийных чиновников, которых надо было допросить, но следователям допроса не разрешали. Чиновники служили в ЦК КПСС, а это значи-

ло, что их нельзя тронуть без разрешения ЦК. Горбачев позже сказал мне: «Не раскачивай лодку!» Вот и все. Горбачев, хороший человек, уважавший «Огонек», тоже не был всемогущим...

Наше общество сосредоточено на ожидании. Одно время — на директивном ожидании коммунизма, затем — на ожидании освобождения от него, а чуть позже — на очередном ожидании счастливой жизни и мудрых правителей. В 1991 году я написал и выпустил в нью-йоркском издательстве «Liberty» книгу эссе «Зал ожидания». Позже так назвал свою последнюю книгу Булат Окуджава. Еще я видел это название на диске какой-то рок-группы. Видимо, словосочетание носилось в воздухе. Многие живут, прохаживаясь по залу ожидания, пытаются понять, что и в какую сторону движется, оглядываются, выслушивают дорожные истории друг друга. В интервью режиссера Андрея Кончаловского я прочел, что он очень рад: ему удалось вскочить в последний вагон уходящего поезда. Я никуда не вскакивал. Если приходилось пропускать нужный эшелон, то в дальнейшем старался, чтобы поезда сами притормаживали возле меня, а машинисты знали меня по имени и в лицо. Кроме того, всегда следует знать, чей именно паровоз вперед летит и на чьем топливе.

В самом конце 80-х несколько раз звонили из ЦК КПСС, настаивая, чтобы «Огонек» дал интервью с лидером только что учрежденной Либерально-демократической партии Владимиром Жириновским. Заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК Владимир Севрук прямо за грудки нас хватал, доказывая, что КПСС позволила создать в своем присутствии новую партию, которую надо обязательно поддержать. Ах, какие это были пассажи!

В поддержку партии с такой биографией мы не дали ни слова.

19 августа 1991 года я должен был лететь из Нью-Йорка в Тайбэй, столицу Тайваня, чтобы взять интервью у президента тамошней Китайской Республики. Проект этот был скандален, в нашем МИДе меня всячески отговаривали от поездки: никто еще не брал интервью у официальных лиц из правительства китайских сепаратистов. Но я был готов к перелету, газета China Times купила билет, с президентом непризнанной Пекином страны было обо всем договорено. Мне хотелось сделать прощальный подарок «Огоньку», потому что я очень устал, сил для работы в редакции

не осталось, ситуация в России менялась, к власти уверенно шел Борис Ельцин, с которым я работать не собирался, и поэтому подписал свой первый контракт на преподавание в Америке. Все это казалось несокрушимо логичным только до того мгновения, когда в ночь на 19 августа у меня зазвонил телефон и Лариса Силницкая с радио «Свобода» сообщила мне о путче. Что было делать? Лететь на Тайвань? А если в Москве события серьезные, то куда я денусь из города Тайбэя — у меня ведь одноразовая американская виза, которая будет погашена при отлете из нью-йоркского аэропорта. В общем, тайваньский вояж отменился...

Оказалось, что в таком положении не один я. Юрий Афанасьев, Гарри Каспаров, Галина Старовойтова и кое-кто еще тоже были в удалении от Москвы. Меня тут же забрали выступать на телестудию CNN, а вечером 19 августа я поехал для участия в программе Мак-Нила — Лерера — одном из самых популярных новостных ток-шоу. Я говорил из нью-йоркской студии, изрекая возмущенные банальности про путч и про то, что «народ не потерпит»... В вашигтонской студии было иначе — там выступал беглый советский гэбэшник, закамуфлированный для неизвестности, в парике и темных очках. Он сразу же замахал руками и сказал, что ерунда это, а не путч. «Мы же специалисты, — воскликнул он. — Кто, скажите на милость, совершает перевороты в понедельник? Государственные перевороты делаются в пятницу или в крайнем случае в субботу. Это же элементарно! Вначале надо всех, кого положено, арестовать, захватить почту, телеграф, все, что надо, и везде выставить патрули. Люди, когда в понедельник придут на работу, должны понять, что царят власть и порядок. Перевороты в рабочие дни не делаются. Это непрофессионально!» Ближайшие события подтвердили, что беглый специалист по переворотам был прав. Путч захлебнулся, я полетел в Москву, где редакция устроила прощальный бал, а в журнале напечатали в мой адрес благодарственное письмо.

В жизни не существует черновиков — все делается сразу и насовсем. Вполне возможно, что жизни наши — не только личный замысел каждого. В приходе на свет обязан быть и высший смысл. Так или иначе «Огонек» выжил и запомнился достойно. В нашей стране всё, в общем, не так плохо, как иногда кажется. Мы стойки — недаром столько незаурядных людей и великих дел пришли в мир из наших краев, иногда — вопреки всему. Надо делать свое дело, пресекая при этом попытки унижить себя и не унижая других. Вот и все.

Летом 1991 года бывший американский президент Джеральд Форд собрал у себя в штате Колорадо группу людей, которые казались ему интересными собеседниками. Были там и недавние руководители великих держав — француз Жискара д'Эстен, немец Гельмут Шмидт, недавний британский премьер Хит, руководитель тайваньского Гоминьдана со сложным именем, бывший министр обороны США Дик Чейни и немного другой публики. Из нашей страны Форд позвал экономиста Николая Шмелева и меня. Все главное происходило в личном общении. Как-то я разговорился с бывшим германским канцлером Гельмутом Шмидтом, и он вдруг заметил: «Я ведь со своей воинской частью стоял в 41-м году на окраине Москвы, разглядывал ваш город в бинокль. Как он сейчас?» — «Хорошо», — сказал я и подумал, что надо бы свести за одним столом Шмидта, ветерана советской морской пехоты Александра Яковлева, тяжело раненного немецкой пулей, и человека, которого я недавно узнал и полюбил, Эли Визела, нобелевского лауреата, отсидевшего войну в нацистском концлагере, где сожгли в печач его отца и мать. Надо бы еще раз и погромче поговорить об изнурительных уроках ненависти XX века.

В декабре 1991 года «Огонек» взялся подготовить и провести такую встречу. Жаль только, что в это время все в Москве летело наперекосяк — разваливалась бывшая страна, не сложилась еще новая, и мы проговорили в «Президент-отеле» с меньшим мировым резонансом, чем того заслуживала прекрасная команда докладчиков. И Шмидт, и Яковлев, и Визел, и другие участники дискуссии очень интересно рассуждали о том, почему сеятели ненависти и раздора сплоченнее в современном мире, чем сеятели добра, почему уроки недавних эпидемий ненависти усваиваются так медленно и неполно.

Перед самым Новым, 1992 годом Горбачев принял участников нашей встречи в Кремле. Я обратил внимание на два более темных прямоугольника на стене комнаты, наверное там недавно еще висели портреты Маркса и Ленина или что-нибудь в этом духе. «У меня нет крови на руках!» — повторял Михаил Сергеевич, протягивая ладони перед собой. Грустно было от этого не только мне; борьба за власть в России заканчивалась, было ясно, что грядет новая эпоха и опускается занавес, за который мы еще будем заглядывать очень долго...

Люди меняются медленно. Как-то я встретился с Горбачевым и сказал ему, что сейчас счастлив. Еще недавно мне приходилось читать огромное количество бумаг, глупых и ненужных, встречаться с людьми, которые не

стоили времени, затраченного на разговор с ними. «Я так не могу», — сказал Михаил Сергеевич. Он, профессиональный политик, стремится быть в толпе, и это его собственный выбор. В конечном счете дело не в суете, а в том, находишься ты в согласии с собственной душой, сочетаются ли твои амбиции и возможности. Пожалуй, точнее всего определил для меня эту мысль покойный американский президент Рейган.

Я брал у него интервью для «Огонька» и в конце спросил: «Вы, господин президент, за свою жизнь осуществили все американские мечты. Стали богатым человеком, кинозвездой, побыли президентом. Вы счастливы?» — «Наверное, счастлив, — ответил Рейган. — Я не ломал себя, достигая всех этих целей. Постоянно старался быть только самим собой. Наверное, счастлив...»

Меня всё еще узнают на улице, в поездах и самолетах. Это очень приятно, и не менее важно, что меня, наверное, забыли все, кто годами проклинал «Огонек» и меня лично. Давно уже никто из наших ненавистников не подходил со злыми словами, переполнявшими их лет двадцать назад. Но зато на недавней книжной ярмарке я буквально удирал от мужчины, требующего, чтобы я расписался у него в паспорте. «Документ ведь станет недействительным!» — настаивал я. «Неправда. Все, что связано с «Огоньком», будет действительно всегда!» — ответил мужчина. Дай-то Бог...

Виталий Коротич

Двадцать лет спустя

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*

Редактор *К. Мкртчян*

Художественный редактор *Е. Поляков*

Корректор *И. Яковенко*

Компьютерная верстка *В. Круглова*

Фотография на обложке *Л. Шерстенников*

Подписано в печать 27.05.08 г.

Формат 70x108 ¹/₃₂ Бумага газетная.

Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.

Тираж 46 000 экз. Заказ № 0806950.

ТЕРРА—Книжный клуб.

127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.